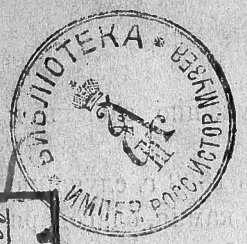
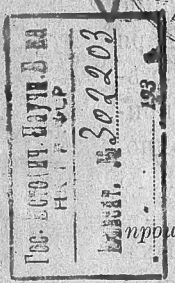
Б13 02/152

Императорскому Историческому Музею
Б 13 02/152 Авторъ 1912 г.
Е. Н. Клепнова
Д. 3665 24 сент. 1912 г.
Библіотека Имп. Росс. Истор. Музея
Гос. Историч. Научн. Б-ка НКПР
Инвент. № 302203 193





О раскопкахъ на Смядыни,

произведенныхъ Смоленской Ученой Архивной Коммиссіей въ Сентябрѣ 1909 г.

Древнее урочище Смядынь, ставшее извѣстнымъ на самой зарѣ нашей исторіи, какъ мѣсто вѣроломнаго убіенія юнаго князя Глѣба, лежитъ у Западнаго, называемаго Свирскимъ, предмѣстья города Смоленска.

Все оно, начиная отъ Свирской улицы, застроенной убогими лачугами подгородныхъ мѣщанъ и до самаго поемнаго Днѣпровскаго луга, бывшаго когда то полноводной заводью и шумной торговой пристанью, занято теперь сплошнымъ капустнымъ огородомъ, среди котораго виднѣются новенькія хатки Свято-Троицкой общины, подлѣ развалинъ храма древняго Борисоглѣбскаго монастыря, отрытаго основателемъ вышеназванной общины, священникомъ Вяземскаго уѣзда, о. Павломъ Троицкимъ.

Грустна повѣсть этихъ развалинъ, какъ и вообще всѣхъ многочисленныхъ достопримѣчательностей, древностей и святынь города Смоленска...

Въ то время, когда не только во всѣхъ древне-русскихъ городахъ какъ Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Псковъ, Ярославль, Кострома и др., но даже во многихъ мѣстностяхъ Крыма и Кавказа производятся постоянныя раскопки отъ Имп. Археологич. Ком., или, по крайней мѣрѣ, изслѣдуются и изучаются древности, созидаются музеи и созываются Археологическіе съѣзды,—одинъ нашъ родной Смоленскъ—этотъ древнѣйшій, многострадальный оплотъ земли русской, просвѣтительный свѣточь ея съ самыхъ первыхъ вѣковъ

христіанства, почему то всѣми незаслуженно забытъ и почти, можно сказать, заброшенъ.

Такъ и эти развалины... На нихъ въ 1833 г. случайно натолкнулись хищники-искатели бутоваго камня, благодаря неосторожному разрѣшенію тогдашняго губернатора—извѣстнаго поэта и драматурга Хмѣльницкаго—данному пригороднымъ мѣщанамъ, ломать этотъ камень гдѣ угодно, для постройки знаменитаго въ свое время „Московскаго шоссе".

Искатели эти варварски разбили одну изъ найденныхъ тамъ каменныхъ гробницъ, ограбили другую, которая только послѣ долгихъ мытарствъ (она одно время служила даже кормушкой для лошадей пожарнаго обоза), будучи признанной за гробницу Великаго Князя Давида Ростиславича, устроителя Смядыни, была помѣщена въ любимомъ его построеніи въ соборѣ Михаила - Архангела, нынѣ скромно именуемаго Свирской церковью.

Въ 1885 году графъ А. С. Уваровъ впервые произвелъ изслѣдованіе этихъ развалинъ, однако не отрывалъ ихъ.

Послѣдняя отчистка развалинъ отъ мусора была произведена сестрами Свято-Троицкой общины въ 1908 г. въ присутствіи командированнаго Имп. Арх. Ком. архитектора Д. В. Миляева. Миляевъ снялъ много фотографій, чертежей и произвелъ тщательный промѣръ всѣхъ сохранившихся частей храма. Много интересныхъ плитокъ и кирпичей съ клеймами увезено имъ въ С.-П.Б., которые теперь, по всей вѣроятности, навсегда потеряны для Смоленскихъ Музеевъ.

Саженяхъ въ 70-ти отъ этихъ развалинъ, у самаго бечага Днѣпровскаго луга, высился довольно обширный курганъ, подъ которымъ мѣстные археологи подозрѣвали обрушившіяся монастырскія ворота, быть можетъ съ колокольней.

Изслѣдовать этотъ курганъ рѣшила Смоленская Ученая Архив. Ком., и, запасшись разрѣшеніемъ на производство

раскопокъ отъ Императорской Археолог. Ком., а также любезнымъ дозволеніемъ владѣльца господина Колпинскаго, приступила къ дѣлу 11-го сентября 1909 года, при постоянномъ дежурствѣ нѣсколькихъ своихъ членовъ и подъ руководствомъ своего вице-предсѣдателя г. Борщевскаго.

Средства на эти раскопки (около 100 рублей) были представлены почетнымъ членомъ Смоленской Ученой Архивной Коммиссіи княгиней М. К. Тенишевой съ условіемъ, что всѣ найденныя вещи поступаютъ въ ея Музей, находящійся въ г. Смоленскѣ. Музей этотъ составляетъ гордость и славу этого города, ибо вопреки всѣмъ толкамъ навсегда остается въ его предѣлахъ.

Шагахъ въ 15-ти отъ кургана ясно виднѣлось пересохшее русло р. Смядыни, гдѣ, по сказаніямъ, и былъ убитъ Св. Глѣбъ. На днѣ этого устья возвышался новѣйшей стройки каменный навѣсъ, поставленный яко-бы на мѣстѣ древняго св. колодца, явившагося тамъ, гдѣ лежало нетлѣнное тѣло св. князя-мученика.

Курганъ окружала невысокая валообразная возвышенность, которая была изслѣдована прежде всего; но въ ней кромѣ мелкаго кирпичнаго мусора ничего не найдено.

Тогда рѣшено было приступить къ срѣзкѣ кургана, начиная съ вершины.

Первые часы работъ дали только одинъ кирпичный мусоръ, но мало по малу въ немъ стали попадаться болѣе сохранныя кирпичныя плитки XII вѣка, нѣкоторыя съ клеймами на ребрахъ и на поверхности; послѣднихъ, впрочемъ, очень не много.

Наконецъ, показалась стѣнная кладка и въ ней нѣсколько наискось врубленный человѣческій костякъ.

Затѣмъ обнаружились вскорѣ, на востокъ и на западъ отъ перваго, еще 2 человѣческихъ костяка, при коихъ, кромѣ нѣсколькихъ гвоздей кузнечной работы, съ остатками истлѣвшаго дерева, повидимому, отъ гроба, ничего не найдено, какъ вноследствіи не нашлось ничего и при всѣхъ, на различныхъ глубинахъ обнаруженныхъ погребеніяхъ.

Мало по малу стали выдѣляться изъ мусора внутреннія стѣны, все яснѣе обнаруживая архитектуру храма: алтарь въ три абсида съ отдѣльнымъ жертвенникомъ на сѣверъ и діаконикомъ на югъ, отлично сохранившійся жертвенникъ, едва замѣтные остатки алтарной преграды, уступы горняго мѣста и двѣ толстѣйшихъ базы внутреннихъ пилоновъ, наклонно-осѣвшихъ въ глубину.

Архитектура храма.

Обнаженныя изъ подъ кирпичнаго мусора развалины храма представляютъ типичную стройку первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, которую мы, съ небольшими лишь видоизмѣненіями, можемъ прослѣдить въ Смоленскѣ, во первыхъ въ развалинахъ большаго вышеупомянутаго Борисоглѣбскаго храма, а затѣмъ въ сохранившихся храмахъ Петропавловскомъ и Свирскомъ.

Таже алтарная часть въ три абсида: — собственно алтарь, чуть выдавшійся впередъ; жертвенникъ—съ сѣвера и діаконникъ—съ юга; тѣ же четыре внутреннихъ квадратныхъ пилона, по всей вѣроятности, поддерживавшихъ коробовый сводъ съ барабаномъ посреди; тѣ же пилястры, окружающія храмъ снаружи—двѣ среднихъ въ каждой стѣнѣ; въ нашемъ храмѣ эти пилястры полукруглыя, (судя по остаткамъ), и по четыремъ угламъ—квадратныя.

Внутренніе пилоны нашего храма крестообразно-квадратные и нѣсколько вытянутые (34×48 вершк.—задніе—по направленію юго-сѣвера, а передніе 44×54 в. востоко-запада). Высота ихъ сохранилась отъ 8-ми (задніе) и до 51-го вершка (передніе).

Но самой характерной особенностью нашего храма является несоразмѣрно-обширная алтарная часть, которой удѣлена почти половина всего зданія, т. к. отъ западной стѣны, до едва—примѣтно сохранившейся алтарной преграды $10^1/_2$ аршинъ, а отсюда до алтарной стѣны 9 арш. 6 вершк.

Такимъ образомъ весь храмъ длиною 19 арш. 14 верш., а шириною 15 арш. 10 верш.

Ширина алтаря 5 ар. 4 в.
„ жертвенника 2 ар. 14 в.
„ діаконика 2 „ 8 „

Толщина наружныхъ боковыхъ стѣнъ и абсидныхъ	1	ар.	8 в.
Толщина наружныхъ западной стѣны . . .	1	„	10 „
„ внутреннейалтарнойстѣны сѣверной	1	„	15 „
„ „ „ „ южной .	2	„	2 „
„ угловыхъ пилястръ со стѣною. . .	2	„	5 „
„ среднихъ „ полукруглыхъ.	2	„	2 „
„ „ „ „ безъ стѣны	—	„	14 „
Ширина угловыхъ пилястръ со стѣною. . .	2	„	8 „
„ среднихъ „ полукруглыхъ .	1	„	2 „

Очень затруднительно дать точные размѣры стѣнъ во всѣхъ частяхъ храма, т. к. наиболѣе сохраннымъ является только юго-западный уголъ, а сѣверо-западный уголъ и, въ особенности, вся сѣверная стѣна разрушены почти до самаго основанія.

Трое дверей храма—западныя, южныя и сѣверныя, шириною по 2 ар. 5 вер., при чемъ у первыхъ выступъ къ паперти уширенъ по 1 арш. съ каждой стороны, а у двухъ послѣднихъ (согласно южнымъ дверямъ, т. к. сѣверныя за разрушеніемъ опредѣлить невозможно), выступъ съ каждой стороны уширенъ по 5 вершковъ.

Отъ горняго мѣста сохранились двѣ ступени, шириною по 5 вершковъ и вышиною 2 верш.

Каменный престолъ 20 вершковъ вышины, нѣсколько удлиненъ (17 в. на 24 вершка). Съ восточной стороны, внизу престола, квадратно-удлиненное отверстіе, служившее, очевидно для храненія запасныхъ даровъ. Внизу замѣтна позднѣйшая задѣлка этого хранилища: (Шир. $5^1/_2$ в., выс. 9 в., глуб. 6 в.).

Жертвенникъ размѣромъ 17×16 верш.; высоту его, вслѣдствіе разрушенія, опредѣлить невозможно.

Высота стѣнъ очень различна. Внутреннія алтарныя стѣны, вмѣстѣ съ передними пилонами, доходятъ до 3-хъ ар. 3-хъ вершк., тогда какъ самая сохранная южная наружная стѣна едва достигаетъ 1-го аршина высоты. Сѣверная стѣна совершенно почти разрушена.

Сѣверовосточную крестовую выемку передняго пилона (въ жертвенникѣ), 12×10 вершк. занимаетъ невысокій, какъ-бы каменный ящикъ, заполненный углемъ и пепломъ. Здѣсь, очевидно, хранился жаръ и раздувалось кадило.

Въ южной внутриалтарной стѣнѣ, на высотѣ 2-хъ арш. отъ пола, замѣчены неглубокіе 3×3 в. квадратные душники: одинъ со стороны алтаря, другой со стороны діаконика.

Полъ храма сдѣланъ изъ того-же плиточнаго кирпича, положеннаго плашмя прямо на материкъ, состоящій изъ лёсообразнаго плотнаго слоя. Полъ этотъ мѣстами сильно покоробился, а около заднихъ пилоновъ совсѣмъ провалился, хотя, не смотря на самыя тщательные розыски, подъ храмомъ никакихъ пустотъ, ни подземелій не открыто.

Однако, такое чрезмѣрное осѣданіе пилоновъ на глубину слишкомъ $1^1/_2$ аршинъ и рѣзко замѣтное разрушеніе наружныхъ стѣнъ въ развалъ, а также совершенное уничтоженіе стѣны со стороны Днѣпра, заставляетъ предполагать какой либо необычайный разливъ рѣки, либо подвижку материковаго пласта; иначе трудно объяснить причины, вызвавшія разрушеніе храма, тѣмъ болѣе, что никакого бутоваго фундамента нигдѣ рѣшительно не обнаружено; храмъ, очевидно, былъ основанъ на деревянныхъ плахахъ, перетлѣвшіе, но довольно большіе куски коихъ найдены подъ стѣною средняго алтарняго абсида

Въ известковомъ цементѣ, а также и въ кирпичномъ мусорѣ, заполнявшемъ храмъ, нерѣдко попадался древесный уголь, иногда очень мелкій, иногда довольно значительными кусками.

Фрески храма.

Почти съ самаго начала раскопокъ, въ отчищаемомъ кирпичномъ мусорѣ попадались куски фресковой штукатурки, количество которыхъ увеличивалось по мѣрѣ углубленія въ нѣдра кургана. На этихъ кускахъ поражала прекрасная сохранность красокъ, изъ которыхъ преобладали: темно-красная, алая, темно-зеленая, свѣтло-зеленая, желтая, рудожелтая, голубая, синяя, лазоревая, дымчатая. На нѣкоторыхъ можно было даже различать мазки кисти.

Удалось отобрать нѣсколько кусковъ съ прекрасно-сохранившимися славянскими буквами, исполненными черной, посѣрѣвшей отъ времени, краской. А также довольно-большіе куски, съ сохранившимися частями орнамента.

Но нигдѣ, не смотря на самый тщательный дозоръ, не удалось отыскать куска съ какимъ либо намекомъ на лицевое или иконописное изображеніе.

Аршинахъ въ 2-хъ отъ пола, на сохранившейся лучше всѣхъ стѣнѣ, отдѣляющей алтарь отъ діаконика, стала обнажаться уцѣлѣвшая штукатурка, покрытая фресковымъ орнаментомъ, которая сначала немилосердно осыпалась, а затѣмъ становилась все прочнѣе, по мѣрѣ углубленія работъ.

Въ юго-западномъ углу алтаря, аршинахъ въ $1^1/_2$ отъ пола, по фресковой штукатуркѣ была замѣчена выцарапанная остріемъ надпись, каковая цѣликомъ и снята на гипсъ,

Надпись эта пока еще не разобрана.

Дальнѣйшія попытки съемки фресокъ на гипсовую доску встрѣтили препятствіе въ тончайшихъ растительныхъ волокнахъ, сплошь, до самаго пола, пронизывающихъ всю кирпичную, весьма уже измусорившуюся кладку; волокна эти густою сѣтью пролегали особенно между кирпичемъ и штукатуркой и не давали ей свободно отпадать отъ стѣны на наложенный проклеенный холстъ.

Всѣхъ сохраннѣе оказался фресковый орнаментъ на внутренней южной алтарной стѣнѣ, представлявшій хотя весьма несложный, но очень изящный и идейно-трактован-

ный полотенечный уборъ. Отъ самаго пола темносѣрая краска какъ-бы отдѣляетъ подборы широкаго полотна, нижняя кайма коего состоитъ изъ чередующихся полосъ ($1^1/_2$ сан.) дымчатаго и темно-краснаго цвѣта, съ промежуткомъ свѣтло-желтыхъ. такъ что здѣсь приходится: 1 красная, 1—дымчатая и 2 желтыхъ полосы. Поперечныя складки, по натуральному фону штукатурки, весьма характерно оттѣнены желтыми оживками. Самый узоръ, трактованный весь темно-краснымъ, состоитъ изъ эмблематическихъ фигуръ (12×18 сантиметровъ), представляющихъ соединеніе якоря, съ кринообразными концами, креста, занимающаго его середину, и опрокинутаго сердца, вѣнчающаго всю эту красивую и остроумную комбинацію Вѣры—Надежды—Любви. Въ промежуткѣ между этими фигурами, какъ разъ въ подъемѣ складокъ, помѣщено вверху и внизу по опрокинутому трилистнику, и пожалуй даже крину ($6 \times 4^1/_2$ сант.). Сверху опять идутъ чередующіяся и закругленныя, согласно складкамъ, полосы въ слѣдующемъ порядкѣ: темно-красная, желтая, дымчатая, желтая, темно-красная.

Поверхъ этого узора едва сохранилась рама, составленная изъ того-же цвѣта полосъ, или, вѣрнѣе, западный нижній уголъ ея; онъ безусловно окружалъ какое либо изображеніе.

Тотъ-же полотенечный уборъ встрѣчаемъ мы въ алтарныхъ проходахъ къ діаконику и жертвеннику, на единственно сохранившейся южной стѣнѣ жертвенника, въ сѣверо-западномъ углу діаконика.

Въ жертвенникѣ вышеописанныя алтарныя фигуры замѣнены округлокрестообразными, чередующимися съ квадратами, поставленными на уголъ. Онѣ не сплошъ выполнены краской, а только по краю обведены ленточной полоской. Остальной уборъ полотенца—верха его и низа—совершенно тождественъ съ алтарнымъ.

Въ дверяхъ жертвенника фигуры трактованы въ видѣ продольныхъ элептическихъ круговъ, съ листовыми отростками со всѣхъ четырехъ наружныхъ сторонъ.

Въ діаконикѣ комбинированная фигура якоря, креста и сердца является какбы орнаментально-стилизованной. Тутъ опрокинутое сердце занимаетъ главное мѣсто по среди, уменьшонный якорь спускается книзу въ видѣ процвѣтшаго отростка и такой же верхъ его крестообразно выполняетъ середину сердца, вѣнчаемаго опять тѣмъ же крестообразнымъ процвѣтомъ. Внизу сердца, съ обѣихъ сторонъ, помѣщенъ орнаментальный завитокъ.

На южной стѣнѣ храма едва примѣтно выступалъ уже совершенно отличный своимъ крупнымъ узоромъ фресковый орнаментъ, повидимому изображавшій книзу опрокинутый конусъ, чередующійся съ кругомъ.

Въ западномъ углу храма, по южной стѣнѣ, около трехъ аршинъ было отмѣчено довольно хорошо-сохранившимся косымъ уборомъ, изображающимъ рядъ діагональныхъ ступенчатыхъ или зигзагообразныхъ полосъ темно-краснаго цвѣта, нанесенныхъ на ярко-желтую землю.

Тутъ впослѣдствіе было найдено, замурованное въ стѣнѣ, но также лишенное какихъ бы то ни было предметовъ, погребеніе.

Но самыми интересными и характерными фресками являются отрытыя на ступенькахъ горняго мѣста, по которымъ рядами были размѣщены большія, во всю ступеньку, положенныя сердца, обращенныя широкимъ концомъ книзу. Въ верхнемъ, узкомъ концѣ каждаго сердца, помѣщено меньшее, обведенное болѣе свѣтлой полоской. Эти сердца, какъ бо́льшое такъ и маленькое внутреннее, сплошъ заполнены краской и чередуютъ на нижней ступенькѣ черныя сердца съ темно-красными, а на верхней желтыя съ черными, при чемъ маленькое сердечко у желтаго сдѣлано рудо-желтымъ, т. е. оранжевымъ, съ болѣе свѣтлой обводкой.

Фрески эти, къ несчастію, осыпались почти тотчасъ, какъ были отрыты и ихъ не удалось сфотографировать.

Такимъ образомъ, во всѣхъ сохранившихся фрескахъ алтарной части — разумѣю сюда жертвенникъ и діако-

никъ—нашего невѣдомаго храма, преобладаетъ ярко-выраженный и разнообразно разработанный мотивъ христіанскихъ прообразовъ—Вѣры, Надежды и Любви—при чемъ послѣдней отводится несомнѣнно первенствующее мѣсто.

Вещественныя находки храма.

Вещественныя находки храма крайне скудны. Очевидно, онъ подвергался неоднократнымъ и весьма основательнымъ ограбленіямъ.

Вотъ ихъ перечень:

1) Кусокъ стекляннаго браслета—найденъ въ верхнемъ слоѣ, на глубинѣ первыхъ погребеній. Подобные стеклянные осколки часто, говорятъ, находятъ въ Днѣпровскомъ гравіи. (Надо замѣтить, что стеклянные браслеты и теперь въ массѣ употребляются Палестинскими Арабами).
2) На самыхъ различныхъ глубинахъ, особенно же въ алтарной части, попадались желѣзные гвозди съ продолговатыми головками; нѣкоторые съ кусками кровельнаго свинца.
3) Свернутые трубкой, довольно большіе куски кровельнаго свинца, найдены въ алтарномъ душникѣ, очевидно, какимъ либо предпринимателемъ припрятанные до удобнаго случая во время обдирки весьма цѣнной въ то время кровли.
4) Нѣсколько широкошляпныхъ штукатурныхъ желѣзныхъ же гвоздей найдены на различныхъ глубинахъ, въ алтарномъ абсидѣ. Всѣ эти гвозди очень грубой кузнечной работы.
5) Маленькій, очевидно, кадильный бубенчикъ, желтой мѣди безъ звона—найденъ тоже въ алтарѣ.
6) Прекрасной сохранности сизая шиферная буса, конической формы—также въ алтарѣ.
7) $^1/_2$ желтой очень древней глиняной бусы—найдено въ сѣверной части жертвенника.

8) Бубенчикъ серебряно-вызолоченный, со звономъ, найденъ внутри храма, у сѣверной стѣны его.
9) 2 древнихъ желѣзныхъ шпоры—въ средней части храма.
10) Обломанная желѣзная личинка, съ круглыми отверстіями различной величины. Отверстій всего 6.—Найдена въ серединѣ храма, недалеко отъ алтарной преграды.
11) Верхняя часть массивнаго и грубаго глинянаго подсвѣчника, съ отбитой шейкой. (Подобный же ему подсвѣчникъ найденъ княг. М. К. Тенишевой въ одномъ изъ Гнѣздовскихъ кургановъ).
12) Глиняный обломокъ ручки, какъ бы отъ сосуда, найденъ у паперти храма.
13) Черепки поливеннаго небольшаго сосуда съ круголеночнымъ узоромъ,—найдены за алтаремъ.
14) Черепокъ черной глины—тамъ-же.
15) Нѣсколько обломковъ черноглинянаго горшка—найдены въ сѣв.-вост. углу жертвенника.
16) Кусокъ тонкаго стариннаго точила—за жертвенникомъ въ сѣв.-вост. углу.
17) Кусокъ кирпича черно-поливнаго—найденъ среди храма.
18) Кусокъ кирпича поливнаго, съ орнаментомъ въ красно-бѣлыхъ тонахъ.—Сѣв. часть храма.
19) Множество толстыхъ глиняныхъ рубчатыхъ черепковъ, повидимому, отъ разбитыхъ голосниковъ.
20) Брусъ красномалиноваго песчаника, тщательно отесаннаго, съ мѣстами для крючьевъ—замурованъ въ западной стѣнѣ южныхъ дверей храма.
21) Обломокъ мѣднаго чеканнаго украшенія въ видѣ пластинки.

Клейма плиточнаго кирпича, вдавленныя на поверхности и выпуклыя на ребрахъ, встрѣчались въ очень небольшомъ количествѣ. Они тождественны съ клеймами Борисоглѣбскаго храма и только одно является совершенно оригинальнымъ: по двумъ паралельнымъ линіямъ, на ширинѣ $3^1/_2$ сантим., опять таки съ симметричными разстояніями, очень тщательно сдѣланы продолговато-угольныя вдавки.

Погребенія.

Что касается погребеній храма, то, для болѣе удобнаго обозрѣнія, приходится раздѣлить ихъ на двѣ группы:

1. Погребенія ***поверхностныя***, такъ сказать позднѣйшія, открытыя въ мусорѣ развалинъ.

2. Погребенія ***основныя***, совершенныя видимо при постройкѣ храма, или, во всякомъ случаѣ, тогда, когда храмъ сохранялъ въ цѣлостномъ видѣ свое назначеніе.

Къ первой категоріи можно причислить восемь погребеній.

I. Первое погребенье, на которое пришлось натолкнуться, находилось въ $^3/_4$ арш. отъ поверхности кургана и въ $3^1/_4$ ар. отъ пола храма; оно нѣсколько наискось (отъ ю.-з. къ с.-в.) врублено въ южно-алтарномъ пилонѣ. Черепъ его раздавленъ.

II. Второе погребенье, на глубинѣ 1-го арш. отъ поверхности, касалось ногами с.-зап. выема того же пилона. Оно лежало не горизонтально, но съ опущенной головною частью.

III. Третье—опять врублено въ алтарной стѣнѣ, что́ къ діаконику, на высотѣ $^3/_4$ ар. отъ поверхности земли.

IV. На глубинѣ $1^3/_4$ отъ поверхности, у той же стѣны алтарнаго абсида, въ мусорѣ, заполнявшемъ діаконникъ. Положеніе его нѣсколько наискось отъ сѣв.-зап. къ юго-вост.

Въ мусорѣ, заполнявшемъ алтарь, между этой же стѣной и престоломъ, на глубинѣ 1 аршина, найденъ черепъ и разрозненныя кости.

V. Погребенье найдено у южной грани южнаго переднаго пилона, на глубинѣ $1^3/_4$ ар.

VI. Тутъ же, почти подъ нимъ, только на голову ближе къ западу и на глубинѣ $2^1/_4$ арш.

VII. У того же пилона съ юга, упираясь ногами въ углубленіе западной его грани, на глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ.

Въ мусорѣ алтаря и діаконика, кромѣ того, попадались разрозненныя человѣческія кости.

При всѣхъ вышеописанныхъ погребеніяхъ не найдено никакихъ рѣшительно вещей, кромѣ нѣсколькихъ гвоздей кузнечной работы съ остатками дерева, повидимому, отъ гроба.

Относительно вышеописанныхъ погребеній приходится сдѣлать замѣчаніе, что черепа ихъ поражаютъ нѣкоторыми анормальностями. Такъ напр., у одного лицевой уголъ является укороченнымъ, у другого лобная кость суженной и отвернутой на правый бокъ; у третьяго на теменной кости замѣчается углубленная вдавленность. Наконецъ, у вершины одной плечевой кости, свнутри, обнаруженъ шилообразный, сантиметра въ $1^1/_2$, отростокъ.

VIII. Восьмой костякъ, (не рѣшаюсь даже назвать его погребеньемъ) отрытъ въ исключительномъ мѣстѣ и положеніи, а именно въ нѣсколькихъ четвертяхъ (въ 2—3 четв.) отъ плиточнаго пола храма, лежащимъ совершенно наискось (отъ сѣв.-зап. къ юго-вост.) у юго-западнаго угла сѣвернаго передняго пилона, при чемъ ноги лежали на остаткахъ алтарной, очень, видимо, тонкой преграды.

Тутъ же найдено еще нѣсколько разрозненныхъ костей и череповъ по направленію къ западу.

Вещей при этихъ костяхъ также не найдено никакихъ, но необычайное положеніе костяка заставляетъ, въ данномъ случаѣ, предполагать все, кромѣ погребенія: можетъ быть катастрофу, вызвавшую разрушеніе храма, можетъ быть бой въ его стѣнахъ...

Много разрозненныхъ костей и череповъ найдено подъ алтарнымъ абсидомъ и подъ сѣверной стѣной храма, около жертвенника. Тутъ уже почти съ увѣренностью можно отмѣтить „погребеніе костей“.

При самомъ окончаніи раскопокъ, по указанію о. Петра Цвѣткова, была разобрана хорошо сохранившая стѣна юго-западнаго угла храма, отмѣченная вышеописаннымъ *косымъ* фресковымъ узоромъ. Тутъ обнаружена правильная выемка въ стѣнѣ, 3 ар. длины и 13 вершк. шир., гдѣ было уложено до 5-ти череповъ и разрозненныя кости.

У того же угла въ западной стѣнѣ въ такой же выемкѣ, лежалъ цѣльный костякъ, но при немъ, какъ и при всѣхъ другихъ, никакихъ вещей не обнаружено.

Подробно описавъ, сохранившуюся намъ изъ тьмы вѣковъ, всю внѣшность храма, приходится теперь перейти къ лѣтописнымъ и инымъ источникамъ и въ нихъ искать, если не точныхъ указаній, то хотя-бы малѣйшихъ намековъ на этотъ древній, невѣдомый храмъ.

Помимо лѣтописей, изданныхъ Имп. Археогр. Ком. приходилось пользоваться трудами спеціально нашихъ Смоленскихъ, хотя и не многочисленныхъ историковъ, преимущественно же Н. А. Мурзакевича, С. П. Писарева, немало поработавшихъ по исторіи и археологіи Смоленска, особенно же по описанію „Княжеской", иначе „Свирской мѣстности", куда цѣликомъ входила и вся Смядынь; наконецъ, трудами недавно безвременно скончавшаго И. И. Орловскаго, послѣднія изысканія коего: „Борисоглѣбскій монастырь въ Смоленскѣ на Смядыни", впервые напечатаны въ 1-мъ выпускѣ „Смоленской Старины", издаваемой Смол. Учен. Архивн. Ком.

На этомъ послѣднемъ трудѣ придется нѣсколько остановиться, въ виду послѣдующихъ ссылокъ на него.

Орловскій весьма логично и послѣдовательно доказываетъ, что на Смядыню, вопреки завѣренію С. П. Писарева, были принесены одни только гробы, иначе ветхія раки, въ коихъ почивали мощи свв. князей до ихъ торжественнаго, вторичнаго перенесенія, (тамъ же, въ Вышгородѣ) изъ обветшавшаго деревяннаго въ каменный храмъ въ 1115 году.

Перенесены эти ветхія раки въ 1188 г. Великимъ Княземъ Смоленскимъ Давидомъ Ростиславичемъ, пожелавшимъ изъ любимой и богато-обстраиваемой имъ Смядыни создать „второй Вышгородъ".

Свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ Орловскій черпаетъ главнымъ образомъ изъ двухъ первоисточниковъ:

1) рукописи конца XVI вѣка Кіево-Михайловскаго монастыря и

2) рукописнаго сборника то же XVI вѣка, находящагося въ книгохранилищѣ Троице-Сергіевской Лавры.

На эти два первоисточника и приходится главнымъ образомъ ссылаться, также и при нашемъ изысканіи объ открытомъ невѣдомомъ храмѣ.

Но, прежде всего, слѣдуетъ припомнить важнѣйшія хронологическія даты, связанныя съ именами первомучениковъ русскихъ—князей Бориса и Глѣба.

Вѣроломное убіеніе Бориса приспѣшниками Святополка Окаяннаго на рѣкѣ Альтѣ совершено 24-го іюля 1015 года.

Такое-же убіеніе Глѣба подъ Смоленскомъ совершено 5-го сентября того-же 1015 г.

Тѣло нетлѣнное Глѣба обрѣтено здѣсь же Великимъ княземъ Ярославомъ въ 1019 году и тогда-же перевезено къ Кіеву и погребено у церкви св. Василія въ Вышгородѣ (пригородѣ стольнаго Кіева) рядомъ съ тѣломъ Бориса.

Канонизація князей Бориса и Глѣба, т. е. причисленіе ихъ къ лику святыхъ нашею Церковью, и первое торжественное перенесеніе мощей совершено въ 1072 году.

Вторичное перенесеніе мощей въ каменную церковь совершено въ 1115 году т. е. ровно черезъ 110 лѣтъ по убіеніи св. Глѣба.

Теперь обратимся къ Смоленску и отмѣтимъ даты, даваемыя намъ лѣтописями и различными историческими источниками, гдѣ упоминается о церквахъ (и ихъ построеніи), относящихся къ XI-му (разумѣю конецъ его) XII-му и XIII-му вѣкамъ (разумѣю начало его), т. е. ко времени построенія нашего храма.

Такъ въ 1138 году впервые находимъ упоминаніе о *монастырѣ на Смядыни*, причемъ однако, ни одна изъ доселѣ извѣстныхъ намъ лѣтописей не указываетъ того, кѣмъ, во имя кого и когда монастырь этотъ былъ устроенъ.

Далѣе, лѣтописи Тверская, Новгородская I-ая и IV-ая, а также Никоновская, отмѣчаютъ подъ 1145 годомъ построеніе Ростиславомъ Мстиславичемъ *каменныхъ* церквей въ Смоленскѣ, въ томъ числѣ и на Смядыни.

Тоже говоритъ и Кіевская лѣтопись, цитируемая Карамзинымъ.

Мурзакевичъ отмѣчаетъ закладку церкви на Смядыни 1144 годомъ, а построеніе особо 1146-мъ годомъ.

Писаревъ годомъ закладки храма на Смядыни считаетъ 1145-й годъ, а проч. каменныхъ церквей Смоленска Петропавловской, Ильинской и Козмодемьянской, 1147-й годъ.

Вышеупомянутая рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, приводимая Орловскимъ также указываетъ на строительную дѣятельность Смоленскаго князя Давида Ростиславича, хотя, по всей вѣроятности, вслѣдствіе ошибки переписчика отмѣчаетъ постройку храмовъ несоотвѣтственнымъ 6746-мъ т. е. 1238 год. что Орловскій и исправляетъ на 6696-ой т. е. 1188 г.

Замѣтивъ всѣ перечисленныя даты, перейдемъ къ точному выясненію „*Смядыни*“, не только какъ названія рѣчки, но цѣлаго земельнаго урочища, его границъ и топографическихъ особенностей.

Впервые названіе Смядыни даютъ намъ лѣтописи при описаніи убіенія св. Глѣба:

> „И яко пріиде къ Смоленьску и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо едино и ста на Смядыни въ кораблеци“ — говоритъ Воскресенская лѣтопись, и тамъ же далѣе: „Святый же, поиде въ кораблеци и устрѣша й (т. е. убійцъ, посланныхъ Святополкомъ) усть Смядины“, т. е. въ устьѣ Смядыни, очевидно, рѣчки.

Мурзакевичъ же переноситъ это названіе на всю, прилегающую къ устью рѣчки, мѣстность: „изъ Смоленска же едва 5 верстъ излучи Днѣпра отплылъ при *Урочищѣ* Смядынѣ“.

Экземпл. №
193

Вообще лѣтописцы того времени характеризуютъ Смядынь какъ „пусто мѣсто“, т. е. не имѣвшее насельниковъ, и тѣло Святаго князя было поэтому повержено среди глухаго лѣса.

Въ 1073 году это мѣсто уже носитъ наименованіе *„посада“*, но укрѣпленіе его было слабо—говоритъ Писаревъ въ памятной книгѣ Смоленск. губ.

Подъ 1138 г. Новгородская лѣтопись сообщаетъ:

„А самого Святослава яша на пути Смольяне и „стережахуть его на Смядыни монастыри“.

Здѣсь уже, какъ видно, „Смядынь монастырь“, извѣстное заселенное да и укрѣпленное мѣсто.

Во время княженія Ростислава Мстиславича Набожнаго (1128—1160 г.), именовавшагося Великимъ княземъ Смоленскимъ, Смядынь уже безспорно становится сильно заселеннымъ и укрѣпленнымъ посадомъ, который лѣтописцы даже называютъ иногда „градомъ“, конечно, въ смыслѣ огороженнаго, т. е. укрѣпленнаго княжескаго мѣста.

Орловскій такъ опредѣляетъ границы Смядынскаго „города“:

„Онъ включалъ въ себя собственно Смядынь, т. е. „пространство отъ р. Кловки до Козмодемьянскаго мо„настыря и отъ устья Смядыни до Спасской горы“.. „Къ югу — Спасскій, къ востоку — Козмодемьянскій и „къ западу—Троицкій монастыри, со своими каменными „зданіями и оградами ,являлись какбы вспомогатель„ными фортами Смядыни“ [1]).

Такимъ образомъ, вышеозначенная мѣстность въ своихъ естественныхъ границахъ, отъ нынѣ пересохшей рѣки Рыдливки и до р. Кловки, представляла въ XII и XIII, даже еще въ XIV вѣкѣ, центръ административной и торговой жизни.

Широкоразливный и полноводный въ древности Днѣпръ-Славутичъ, начиная даже отъ рѣки Чуриловки,

[1]) Смол. Стар. Вып. I стр. 219.

вьющейся теперь едва примѣтнымъ ручейкомъ, и до самой окончательно уже пересохшей Кловки, образовывалъ здѣсь широкую луку, покойная и глубокая заводь которой, съ рѣкою Смядынью посреди, представляла прекрасную стоянку для тогдашняго торговаго флота, состоявшаго изъ „кораблецовъ“, „насадовъ“ „учановъ“ и лодокъ „однодеревокъ“...

Такимъ образомъ, окрестности Смядынь-монастыря становятся издревле шумной торговой пристанью и представляютъ густо-населенную мѣстность, съ княжескимъ дворцомъ поблизости, обширнымъ посадомъ дружинниковъ и колоніями сперва варяжскихъ, а затѣмъ нѣмецкихъ и литовскихъ гостей, на что указываютъ еще донынѣ сохранившіяся названія улицъ. Въ самомъ же монастырѣ, по свидѣтельству Писарева, висѣлъ „ратный колоколъ“, созывавшій народъ со всего обширнаго посада, особо отъ „вѣчеваго колокола“, висѣвшаго въ самомъ градѣ Смоленскѣ.

Но священнымъ центромъ всей этой мѣстности, съ самой зари ея существованія, въ эпоху ея блестящаго развитія и до самыхъ послѣднихъ дней, т. е. до времени „Борисоглѣбскаго Братства“, была, именно, самая „*Смядынь*“, т. е. урочище на лѣвомъ берегу рѣки Смядыни, занятое Борисоглѣбскимъ монастырскимъ посадомъ.

Такъ, въ 1177 году ослѣпленные Владимірцами князья Мстиславъ и Ярополкъ были привезены въ Смоленскъ, гдѣ и остановились у родственника своего князя Мстислава на Смядыни. „Они молились Спасу, Пресвятой Богородицѣ и сродникамъ своимъ св. мученикамъ Борису и Глѣбу и прозрѣли“.

Такъ гласятъ Тверская и Новгородская лѣтоп., Воскресенская же говоритъ о семъ событіи кратко и точно:

„Ведомомъ же имъ съ гніющимъ очемъ ихъ пріидоша же къ Смоленску и внидоша въ церковь святую мученика Бориса и Глѣба на Смядынѣ и ту прозрѣста Сентября 5-ое на убіеніе Глѣбово, а на зиму пріидоша въ Новгородъ [1]).

---

[1]) Воскр. Лѣт. стр. 95 (Пол. соб. рус. лѣт.).

Послѣ этого чуда, отмѣченнаго всѣми лѣтописями, вполнѣ понятно и естественно становится то вниманіе, какое удѣляютъ Смядыни Смоленскіе князья, а въ особенности Давидъ Ростиславичъ.

Но все таки нигдѣ, не смотря на болѣе или менѣе подробныя описанія, нигдѣ не упоминается о двухъ каменныхъ храмахъ на Смядыни.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга, обнаруживаются теперь именно два каменныхъ храма.

Какіе это храмы?... Который изъ нихъ собственно „Борисоглѣбскій монастырь“, о коемъ имѣются весьма точныя и опредѣленныя данныя, даваемыя многими лѣтописями:—что построенъ онъ каменный около 1146 года княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ, что за́ново отдѣланъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ 1191 г., который и перенесъ въ него ветхія раки свв. мучениковъ Бориса и Глѣба.

Несомнѣнно, главнымъ храмомъ Борисоглѣбскаго монастырскаго посада слѣдуетъ признать храмъ, отрытый о. Павломъ Троицкимъ: во первыхъ, по величинѣ своей онъ чуть ли не вдвое длиннѣе вновь открытаго, — во вторыхъ, по тѣмъ пристройкамъ, вѣрнѣе придѣламъ, слѣды коихъ ясно видны вокругъ него, хотя стѣнъ ихъ не сохранилось. Поэтому, для удобства, назовемъ его „Большимъ храмомъ“, въ отличіи отъ „Малаго“, отрытаго Смоленской Ученой Архивной Коммиссіей.

А теперь перейдемъ къ рукописи Михайловск. мон. Вотъ ея подлинный текстъ, даваемый въ спискѣ Орловскимъ.

„Лѣта ҂ѕхмѳ Ростиславъ Мстиславичъ устро(и) гра(д) „великій Смоленесъкъ и церковъ созда святаго Спаса „верхъ Смядыни и град Мстиславъль на вехре. Онъ „же созда. И княжения его ѕ҃ лѣтъ было. Лѣта ҂ѕхн „августа 15 индикта 13 освятися церковь святыя Бо„городица внутри града Смоленъска отъ Мануйла

„перваго епископа града Смоленъска. Лѣта ҂ѕѱмѕ „Давидъ Ростиславичъ созда церковь на пристани, „соборъ архангела Михаила и Бориса и Глѣба на Смя„дыни. И принисение мощей изъ Вышгорода и свя„таго Василія церковъ созда. Лѣта отъ нарожденія „Господа Бога и Спаса Нашего Исуса Христа. хаі мѣ„сяца июня в. і҃ день ѕ недѣли на понедѣлокъ въ „четвертомъ часу нощи взялъ король Жигимонт „третий Смоленескъ и въ Смоленску взяли архиепи„скопа Сѣргея и воевод Михайла Борисовича Шеина „да князя Петра Горчакова и въ замку домы всѣ „пожгли и церкви и порохъ весь сполили. И собор„ную церковъ порохи возорвали и многихъ людей въ „ней позабивали“ [1]).

Какъ извѣстно скоропись XVI и XVII вѣка не знала знаковъ препинанія, а потому смыслъ изложеннаго, въ зависимости отъ чтенія можетъ быть значительно измѣненъ.

Орловскій читаетъ самое интересное для насъ мѣсто этого текста такъ:

„Лѣта 6746 (исправляетъ цифру на 1188). Давидъ „Ростиславичъ созда: (ставитъ двоеточіе) церковь на „пристани (ставитъ тире, равняющееся словамъ: то „есть) Соборъ Архангела Михаила (ставитъ запятую) „и Бориса и Глѣба на Смядыни (опять запятая) и „принесеніе мощей изъ Вышгорода (исправляетъ „въ „Вышгородѣ“ и ставитъ запятую) и святаго Василія „церковь „созда“ [2]).

О томъ„ что Давидъ Ростиславичъ построилъ соборъ Архангела Михаила говорятъ и другія лѣтописи, между проч. Ипатьевская; но она вовсе не называетъ его „церковью на пристани“.

„Самъ бо сяковъ обычай имѣеть по вся дни ходя „ко церкви стою архистратига Бж҃ія Михаила юже бѣ

---

1) Смол. Стар. вып. I стр. 226.

2) Ibid.

„самъ создалъ во княженьи своемъ такое же нѣ въ по-
„лоунощной странѣ“ [1])...

Также и Мурзакевичъ говоритъ:

„Во время пребыванія своего въ Смоленскѣ, ѣзжалъ
„ежедневно въ церковь Архангела Михаила, что̀ въ
„Свирской, которую онъ коштомъ своимъ воздвигъ и
„украсилъ столь великолѣпно и богато, что отъ всѣхъ
„чужестранныхъ въ то время заслуживала оная вни-
„маніе“.

И дѣйствительно, если мы внимательно взглянемъ на чертежъ, то увидимъ, что даже и храмъ Козмодемьянскій стоитъ несравненно ближе къ *„пристани“*, чѣмъ Михаило-архангельскій соборъ, который къ тому же водруженъ на очень высокомъ холмѣ и назвать его *„церковью на пристани“* не было рѣшительно никакого основанія.

А потому, вышеприведенную выдержку изъ рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря я предлагаю читать такъ:

„Въ лѣто 6699 Давидъ Ростиславичъ созда: (двоеточіе)

1) Церковь на пристани.
2) Соборъ Архангела Михаила.
3) Бориса и Глѣба на Смядыни
4) и принесеніе мощей изъ Вышгорода
5) и святаго Василія церковь созда.

Въ такой редакціи нашъ *„Малый храмъ“* является именно этой *„церковью на пристани“*, т. к. по положенію своему у самой излучины Днѣпра, въ то время весьма многоводнаго, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ этому названію.

Не зная, что̀ именно скрываетъ нынѣ разрытый нами холмъ, Орловскій намекаетъ, что это могла быть церковь св. Василія.

Однако слѣды менѣе массивнаго фундамента, опоясующаго *„Большой храмъ“* съ трехъ сторонъ, (съ юга, сѣв. и зап.) и вообще его чертежъ, приведенный Орловскимъ въ докладѣ Учен. Арх. Ком. отъ 7-го Ноября 1908 г., ясно

[1]) Ипат. лѣт. ст. 703.

доказываютъ весьма обдуманный и стройный планъ, какъ въ архитектурномъ, такъ и религіозно-идейномъ смыслѣ, намѣченный княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, пожелавшимъ изъ Смядыни создать *„второй Вышгородъ“*.

Какъ въ Вышгородѣ раки съ мощами св. Князей ранѣе были погребены у церкви св. Василія, такъ и тутъ Давидъ Ростиславичъ хотѣлъ соорудить церковь того-же Святаго, вѣроятно, въ видѣ праваго предѣла къ *„Большому храму“*, тогда какъ слѣва созданъ предѣлъ „во имя перенесенія мощей изъ Вышгорода“, или, какъ Орловскій исправляетъ, „въ Вышгородѣ“.

Тогда какое собственно значеніе имѣлъ *„малый храмъ“*, или *„церковь на пристани“*?

Кромѣ скудныхъ фресковыхъ украшеній, не давшихъ намъ даже намека на какое либо священное изображеніе, кромѣ орнамента, мы не имѣемъ пока никакихъ утвердительныхъ данныхъ о немъ.

Наши архивы такъ скудно еще разработаны и такъ мало намъ извѣстны, что приходить къ какимъ бы то ни было окончательнымъ выводамъ, мы положительно не имѣемъ права.

Остается о храмѣ семъ строить болѣе или менѣе логическія предположенія.

„Церковь *на пристани*“, носившей, по всему вѣроятію, названіе „Борисоглѣбской“, отъ близлежащаго, знаменитаго въ то время монастыря, тоже, навѣрное, была посвящена этимъ святымъ, почему лѣтописецъ и не считаетъ нужнымъ ее называть, или, вѣрнѣе, повторять названіе.

Въ Вышгородѣ, во время 3-го перенесенія мощей 1115 года, тоже было двѣ церкви Борисоглѣбскихъ: одна прежняя деревянная, построенная вмѣсто обветшавшей церкви Св. Василія Вел. кн. Изъяславомъ, а другая каменная, начатая строиться Вел. кн. Святославомъ, затѣмъ Всеволодомъ и оконченная Олегомъ Черниговскимъ въ 1112 г.

Но главное, надо полагать, что Давидъ Ростиславичъ желалъ отмѣтить собственно мѣсто убіенія кн. Глѣба,

т. к. монастырь былъ, повидимому, воздвигнутъ на мѣстѣ гдѣ было *обрѣтено* тѣло Св. А что убіеніе и обрѣтеніе тѣла было въ разныхъ мѣстахъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ лѣтописи и многочисленныя „сказанія о Святыхъ Страстотерпцахъ“, восходящія къ самой глубокой древности.

Сводка этихъ лѣтописей и сказаній даетъ намъ нижеслѣдующую картину убіенія Глѣбова:

Пройдя Смоленскъ, насадъ или кораблецъ Св. Глѣба зашелъ въ рѣчку Смядынь: „ста на Смядинѣ въ кораблеци“ т. е. поднялся извѣстное разстояніе вверхъ по рѣчкѣ. Тутъ князь получаетъ извѣстіе о смерти отца и убіеніи брата и оплакиваетъ ихъ. Увидя же плывущую съ низовья ладью и принявъ ее за посланцевъ изъ Кіева пошелъ на встрѣчу ей къ устью Смядыни.

„Святый же поиде въ кораблеци и устрѣша и усть „Смядины“ [1]),

а это и доказываетъ, что стоянка его была нѣсколько выше по рѣчкѣ. Теперь же онъ встрѣтилъ убійцъ у самаго устья Смядыни и они, повскакавши въ корабль его, тутъ же зарѣзали юнаго князя.

„Тогда окаянный Горясѣръ, повелѣлъ зарѣзати „вборзѣ, поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вземъ „ножъ, и имъ блаженнаго закла и аки агня незло„бива“.

и далѣе: „убіенну же бывшу Глѣбу и повръжену „на пустѣ межи двѣма колодома“ [2])

гласитъ Воскресенскій списокъ лѣтописи, также и житіе, взятое изъ Макарьевской минеи:

„не сподобиша его подабающаго честнаго погребенія, „но повергоше тѣло его не далече отъ берега между „двѣма колодами, мало хврастіемъ наметавше“.

Слѣдовательно, убійцы пристали къ берегу, вынесли тѣло Глѣбово изъ кораблеца, и нѣсколько углубившись

---

[1]) Воскр. лѣт. ст. 322.

[2]) Ib. ст. 324.

въ лѣсъ, которымъ тогда была покрыта вся окрестность, скрыли его подъ хворостомъ; а черезъ четыре года оно было здѣсь обрѣтено, и мѣсто это,—мѣсто обрѣтенія, по всему вѣроятію, отмѣчено тѣмъ храмомъ, который отрылъ о. Павелъ.

Нельзя не считать вполнѣ естественнымъ и послѣдовательнымъ, что князь Давидъ Ростиславичъ, удумавшій изъ Смядыни сдѣлать *„второй Вышгородъ“*, нашелъ необходимымъ отмѣтить и мѣсто убіенія св. князя Глѣба, построивши на томъ мѣстѣ особый храмъ, который, въ такомъ случаѣ, никакъ не могъ быть посвященнымъ св. Василію.

Это предположеніе какъ нельзя болѣе подтверждается положеніемъ храма, такъ близко стоящимъ къ излучинѣ древняго Днѣпра, что строителямъ пришлось основывать зданіе не на каменномъ фундаментѣ, дабы не углубляться въ землю ниже профиля днѣпровскихъ водъ, а основать его на деревянныхъ плахахъ, остатки коихъ и найдены нами подъ стѣною алтарнаго абсида, тогда какъ *„Большой храмъ“* основанъ на бутовомъ камнѣ.

Кромѣ того, преданье, сохранившееся среди Смолянъ, но пока еще не нашедшее подтвержденіе въ древнихъ лѣтописяхъ (разумѣю рукописи и списки до XVII вѣка) говоритъ намъ о *„цѣлебномъ святомъ Колодцѣ“*, открывшемся на мѣстѣ убіенія кн. Глѣба, но когда, этого пока никто указать не можетъ. Если же колодезь появился въ древнѣйшія времена, то *„церковь на пристани“* могла также отмѣчать и это священное мѣсто.

Какъ бы то ни было, но въ древности этотъ колодезь никакъ не могъ существовать на томъ мѣстѣ гдѣ находится сейчасъ, ибо онъ заложенъ какъ разъ на днѣ того *„усть Смядыни“*, которое лѣтописныя сказанья рисуютъ намъ глубоководной заводью. Слѣдовательно нынѣшнее мѣсто колодца отнюдь нельзя назвать древнимъ и искать его слѣдуетъ во вся комъ случаѣ не въ „усть Смядыни“.

Итакъ, высказавъ предположеніе, что отрытый храмъ, есть именно *„церковь на пристани“*, постараемся опредѣлить во имя кого она была построена.

Звѣрское братоубійство, совершившееся на зарѣ нашей лѣтописной исторіи, обрѣтенье нетлѣнныхъ останковъ родныхъ своихъ русскихъ первомученниковъ — князей, чудеса, совершаемыя у св. гробовъ ихъ, глубоко поразили умы современниковъ и создали обширнѣйшую литературу. Стоитъ только коснуться ея, какъ положительно будешь изумленъ тѣмъ количествомъ рукописнаго и художественнаго матеріала, который былъ посвященъ именно этимъ Св. Князьямъ.

Въ то время, когда довольно важныя историческія событія слишкомъ даже кратко отмѣчались нашими лѣтописцами, житію, смерти и прославленію Св. Братьевъ посвящены цѣлыя страницы, хартіи и отдѣльныя повѣствованія. Нѣкоторыя изъ нихъ являются съ богатѣйшими иллюстраціями, такъ наз. *„Миніатюрами“*, художественно исполненными красками и передающими намъ многіе подробности тогдашняго быта, утвари, одеждъ и проч.

Таковы: *„сказаніе страстотерпцю стоу моученникоу Бориса и Глѣба“*, составленное послѣ 1072 года черноризцемъ Іаковомъ и дошедшее до насъ во многихъ спискахъ, между прочимъ въ такъ наз. *„Сильвестровскомъ сборникѣ“*, хранящемся въ Моск. Син. типогр. библ. и украшенномъ множествомъ миніатюръ.

Лицевое житіе св. благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба. По рукописи конца XV столѣтія, находящейся въ собраніи Н. П. Лихачева, съ 32-мя цвѣтными миніатюрами.

Въ Рязанскомъ кладѣ, найденномъ на землѣ старой Рязани, на парѣ самыхъ крупныхъ *„колтовъ“*, т. е. медаліоновъ мы встрѣчаемъ исполненныя эмалью изображенія свв. Бориса и Глѣба.

Кромѣ того, во всѣхъ рѣшительно храмахъ мы находимъ иконописныя, а на Евангеліяхъ, складныхъ и тѣльныхъ

образкахъ финифтевыя и эмалевыя изображенія свв. Бориса и Глѣба, составляющія одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего родного искусства.

Между этими изображеніями намъ особенно важными представляется, въ данномъ случаѣ, 2 изображенія Святыхъ Братьевъ на окладѣ Мстиславова Евангелія XII вѣка.

На Святыхъ надѣты шапки съ высокой тульей, опушенной мѣхомъ. Поверхъ исподняго платья—узкорукаго кафтана, называемаго *„каббатъ“*, накинуто *„корзно“*—короткій воинскій плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ *„фибулой“* т. е. пряжкой. У обоихъ узоръ этого „корзна“ представляетъ поразительное сходство съ орнаментовкой открытой нами на горнемъ мѣстѣ нашего храма, и, какъ видно, послужившей основнымъ мотивомъ для различныхъ варіацій этого-же орнамента, какія мы видимъ во всѣхъ сохранившихся фрескахъ алтарной части.

Тотъ же рядъ сердецъ, широкой своей частью обращенныхъ книзу—мотивъ, сколько мнѣ удалось прослѣдить, совершенно не встрѣчающійся, ни на одѣяньяхъ другихъ святыхъ и князей, ни въ орнаментовкѣ, украшавшей наши древніе, инымъ святымъ или праздникамъ посвященные храмы.

Это единство рисунка никоимъ родомъ не можетъ быть простой случайностью и уже фактически подтверждаетъ намъ, что „церковь на пристани“ имѣла наиближайшее отношеніе именно къ Свв. Князьямъ.

Теперь еще одно послѣднее замѣчанье. Если кому придется распрашивать Смоленскихъ простолюдиновъ, т. е. мѣщанъ и пригородныхъ крестьянъ, о Свв. Князьяхъ, храмѣ Смядынскомъ, или коледцѣ, то ни одинъ изъ нихъ не выразится иначе какъ *„Глѣбъ-Борисъ“*, а не „Борисъ и Глѣбъ“, хотя по всей Руси, во всѣхъ рѣшительно древнѣйшихъ и новыхъ сказаніяхъ, житіяхъ, подписяхъ и наименованіяхъ иконописныхъ изображеній, вездѣ имя Бориса предшествуетъ Глѣбу и даже стало однословнымъ, (напр. городъ Борисоглѣбскъ).

Мало того: грамота польскаго короля Яна Казиміра отъ 12-го Января 1650 года гласитъ въ точномъ переводѣ нижеслѣдующее:

„Также всякіе братства, какъ въ Смоленскѣ за стѣпами у *Гльба-Бориса* имѣть позволяемъ".

(Takze Bratctwa wszystkie... iako w Smolensku za murami u Gleba y Borisa... miet pozwalami..) [1]).

Въ такомъ, исключительно мѣстномъ именословіи, мы имѣемъ яркое и несомнѣнное подтвержденіе, что личность св. Глѣба является безспорно главенствующей для Смоленска, а это даетъ намъ право, въ свою очередь, высказать предположеніе, что *„церковь на пристани"*, построенная несомнѣнно на крови свв. Глѣба, была посвящена именно ему, можетъ быть въ данномъ и единственномъ случаѣ даже раздѣльно отъ Бориса.

Вотъ всѣ данныя, какія пока удалось собрать и тѣ выводы, которые явилось возможнымъ сдѣлать на ихъ основаніи, объ отрытомъ, невѣдомомъ храмѣ въ Смоленскѣ на Смядыни.

[1]) Акты Виленской Ком. Т. XXXIII ст. 374.